

УДК 81'255.2:82-1(=161.2) Окуджава

Чайковский Р.Р.

Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

БУЛАТ ОКУДЖАВА КАК ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ (ОБ ОДНОМ ПЕРЕВОДЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ С УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Статья посвящена изучению творческой деятельности выдающегося русского поэта и прозаика Булата Окуджавы как переводчика поэзии. Указываются языки, с которых Б. Окуджава переводил с подстрочника, а также перечисляются те языки, с которых поэт мог предположительно переводить с оригинала. Рассматриваются принципы поэтического перевода, которых придерживался Б. Окуджава, и проводится анализ осуществлённого Окуджавой перевода стихотворения украинского поэта П. Тычины. Отмечается, что Окуджава-переводчик достаточно адекватно передаёт содержание текста оригинала и создаёт перевод-вариацию, эквиритмичный оригиналу.

Ключевые слова: Булат Окуджава, оригинал, перевод, перевод-вариация, подстрочник, поэзия, язык.

R. Chaykovskiy

North-Eastern State University, Magadan

BULAT OKUDZHAVA AS A TRANSLATOR OF POETRY (ON ONE TRANSLATION BY BULAT OKUDZHAVA FROM UKRAINIAN)

Abstract. The article examines the creative activity of the outstanding Russian poet and writer Bulat Okudzhava as a translator of poetry. It displays the languages from which Okudzhava translated using interlinear translations and lists the languages from which the poet could presumably translate from the original. The principles of poetic translation, to which Okudzhava adhered, are regarded and the translation of a poem by the Ukrainian poet P. Tychina, made by B. Okudzhava, is analyzed.

Key words: Bulat Okudzhava, interlinear translation, language, original, poetry, translation, variation translation.

Тема «Булат Окуджава как переводчик» исследована лишь в первом приближении. В какой-то мере эта проблема была затронута в нашей беседе с поэтом в марте 1997 года, которая тогда же и была опубликована [16, с. 12–20]. Затем её вновь поднял В.Д. Оскоцкий в своём докладе на Третьей международной научной конференции по твор-

честву Булата Окуджавы «Миры Булата Окуджавы», состоявшейся 18–20 марта 2005 г. в Переделкино. Материалы этой конференции были напечатаны через два года [6, с. 13–23]. Статья В.Д. Оскоцкого имеет большое значение для дальнейшего изучения поэтических переводов Булата Окуджавы. Как известно, начиная со второй половины 50-х годов переводческая дея-

тельность занимала в творческой жизни Б. Окуджавы значительное место.

По данным И.В. Ханукаевой, Окуджавя переводил с 26 языков. В список этих языков входят абхазский, арабский, армянский, болгарский, бурятский, венгерский, грузинский, западно-армянский, идиш, испанский, корейский, литовский, молдавский, осетинский, польский, румынский, словацкий, таджикский, татарский, украинский, фарси, финский, чешский, шведский, эрзя, эстонский [15, с. 184]. Перу Б. Окуджавы принадлежит также авторизованный перевод с лезгинского языка сборника повестей Р. Хаджи «Дети Самура» (1975).

Возможно, некоторые языки из этого списка в будущем придётся исключить, так как не все переводы, печатавшиеся под именем Б. Окуджавы, были выполнены им. Сегодня мы знаем, что переводы стихов Д. Варужана, написанные на армянском языке, были сделаны не Б. Окуджавой, а Ю. Даниэлем, опубликовавшим их с разрешения Окуджавы под его фамилией, поскольку сам он после выхода из лагеря был непечатным (см. об этом: [16, с. 15]). Известный поэт и библиограф В. Сербский приводит такие слова, вписанные Окуджавой в экземпляр сборника Д. Варужана: «Эту книгу в трудные годы перевёл Ю. Даниэль, взяв напрокат моё дозволенное имя. Виктору Сербскому. Б. Окуджавя. 8.9.88» [10, с. 8]. Во время той же встречи с В. Сербским Окуджавя подтвердил, что и опубликованные под его фамилией переводы поэзии Г. Аполлинера выполнены не им, а Ю. Даниэлем. Тем не менее, не исключено, что переводы с нескольких других языков также были сделаны Ю. Даниэлем, хотя в качестве их переводчика значится Б. Окуджавя.

Предполагать это позволяет такое высказывание Окуджавы: «Даниэль умер, а я даже не помню, что он переводил» [16, с. 15]. Есть свидетельства о том, что и в других случаях под именем и фамилией Окуджавы с его разрешения печатались переводы, автором которых он не был [20, с. 130].

Важно помнить и о том, что в конце 50-х годов, работая в издательстве «Молодая гвардия», в редакции поэзии народов СССР, Б. Окуджавя редактировал книги переводов с аварского, азербайджанского, кабардинского, казахского, киргизского, нанайского и других языков. За 1958–1959 гг. вышло не менее 12 книг разных поэтов, в которых редактором значится Б. Окуджавя. В 1958 году, к примеру, под его редакцией была издана книга М. Мачавариани «Тишина без тебя» в переводах Евг. Евтушенко. Следует отметить, что в книгах, в которых Б. Окуджавя выступал редактором, переведённых им стихотворений мы не обнаруживаем, в то время как редакторы многих других сборников, переведённых группой переводчиков, такой деликатностью и щепетильностью не отличались и спокойно включали свои переводы в состав редактируемых ими книг.

В 1963–1968 гг. у Б. Окуджавы вышли три авторские книги переводов: томик стихотворений панамского поэта Чангмарина «Песни Панамы» (1963, с испанского), сборник абхазско-грузинского поэта М. Мирнели «Горная тропа» (1965, с грузинского) и поэтическая книга Божидара Божилова «Весенняя поэзия» (1968, с болгарского).

В увидевшей свет в 1964 году в Тбилиси книге Булата Окуджавы «По дороге к Тинатин» две трети её объема отданы переводам с грузинского.

Параллельно в авторитетных издательствах не только Москвы, но и других городов до середины 80-х гг. выходят в свет книги советских и зарубежных поэтов, многие стихи в которых переведены Б. Окуджавой. Среди их авторов много армянских и грузинских поэтов, а также К. Библ (переводы с чешского), М. Валек (переводы со словацкого), Р.-Ф. Ретамар (с испанского), Н. Стэнеску (с румынского), С. Капутикян (с армянского), Ст. Гроховяк, Т. Ружевиц, А. Осецка (с польского) и др.

Переводы Булата Окуджавы достаточно высоко оценивались критиками, коллегами по поэтическому цеху и поэтами, чьи стихи он переводил. Например, о книге Божидача Божилова есть отзывы поэта М. Луконина и автора книги – болгарского поэта. М. Луконин писал: «... Булат Окуджава, переведший эту книгу, добился высшего желаемого. Он не просто перевёл с языка на язык, с болгарского на русский, он перевёл с поэзии на поэзию, поэтому стихи кажутся природно русскими» [3, с. 8]. Автор книги, Б. Божилов, отзывался о переводе и переводчике так: «Стихи переведены блестяще. До сих пор я был знаком с Булатом Окуджавой заочно, и первое, что бы мне хотелось сделать при встрече с ним, – поблагодарить его за долгий и упорный творческий труд» (цит. по: [13, с. 249]). Выдающийся знаток русского поэтического перевода Е.В. Витковский, поместивший в своей антологии «Строфы века – 2: Антология мировой поэзии в русских переводах XX века» десять переводов Б. Окуджавы¹, свою

¹ Мы не учитываем помещённые там же переводы стихов Г. Аполлинера, поскольку они, как мы писали выше, Б. Окуджаве не принадлежат.

краткую справку о нём завершает такими словами: «Приходится констатировать, что Булат Окуджава – мастер ещё и этого жанра» [11, с. 591].

К переводческой работе Б. Окуджава относился как к важной части своего литературного труда. П. Тодоровский, кинорежиссёр, соавтор Окуджавы по сценарию к кинофильму «Верность», так рассказывал о работе поэта над переводами: «... его после «Тарусских страниц» не печатали и он зарабатывал переводами. Из Москвы присылали подстрочники стихов каких-то арабских и иранских поэтов, и каждый день с восьми утра до двух-трёх часов дня к нему нельзя было подступиться, так как он должен был зарабатывать деньги» [14, с. 56].

Однако не только ради заработка занимался Окуджава переводами. В интервью, которое он в 1977-м году дал Д. Бернардини, поэт говорил: «Я переводил много стихов, и плохих тоже. Иногда я делал это потому, что нужны были деньги, иной раз потому, что пытался развеяться» [1, с. 121]. Следовательно, занятия переводами были для него и своеобразной формой отдыха от своих стихов и прозы. Но они же служили и хорошим упражнением, позволявшим знакомиться с богатством стиливых возможностей разных систем стиха, обогащавшим его собственную стилистическую палитру и способствовавшим постоянным поискам новых выразительных средств.

В то же время Окуджава реально оценивал возможности переводчика поэзии. В том же интервью Д. Бернардини он размышлял так: «Однако я думаю, что мои переводы – плохи ли, хороши ли они были, – никогда не были эквивалентны оригиналу. Мож-

но сделать лучше, можно сделать хуже, но невозможно достичь полного эквивалента. Когда говорят о каком-нибудь переводе, что он хорош, это значит, что он достаточно точно выражает мысль подлинника, и не более того» [1, с. 121]. Эту же мысль Окуджава высказал позже, в 1989-м году, в беседе с А. Назаровым: «... я в общем-то сам занимался переводами долгое время, я знаю, насколько они неадекватны подлинникам, насколько они неточны...» [4, с. 163].

Отвечая в марте 1997-го года на наши вопросы о поэтическом переводе, Булат Окуджава назвал ряд принципов, которых, насколько можно судить, он придерживался в своей работе над переводами. Он говорил: «... иногда строгое следование оригиналу не приводит к хорошим результатам»; «... стих должен звучать интересно и на языке, на который переводят»; «... я всегда придавал значение хорошему, качественному переводу»; «Я знаю: есть хорошие переводы, есть плохие. Хороших, как всегда, мало, это закон природы»; «прежде всего очень важно, чтобы это исходило от автора, чтобы это напоминало автора, а во-вторых, чтобы это звучало на языке, на который переведено, чтобы это естественно звучало на этом языке» [16, с. 16–19].

Ой, то не грім у хмарах там гуляє,
то не з гори спадає шум-вода, –
то весело гримить-перегримляє
радянська слава сила молоді!

Іде вона шляхами, берегами;
що віджило – зміта, як бурелом;
щоб чудо в нас творить! – та не богами,
а розумом людини і трудом.

Ознакомившись в первом приближении с работой Булата Окуджавы как переводчика поэзии и с его взглядами на поэтический перевод, перейдем к анализу перевода стихотворения классика украинской поэзии Павла Тычины «Ой то не грім у хмарах там гуляє...», выполненного Б. Окуджавой и напечатанного на первой полосе «Литературной газеты» 5 января 1960 г. При этом мы исходим из следующего предположения. Все переводы Булат Шалвович выполнял, как он сам утверждал, по подстрочникам [16, с. 14]. Однако среди названных выше двадцати семи языков есть не менее семи, с которыми Булат Окуджава, филолог по образованию, сын армянки и грузина, знавший армянский и грузинский языки на бытовом уровне, был в состоянии, как мы полагаем, работать, не только используя подстрочник, но и обращаясь к оригиналу. Это армянский и грузинский языки и пять славянских языков – болгарский, польский, словацкий, украинский и чешский языки. Нам думается, что стихотворение П.Г. Тычины Булат Окуджава мог переводить с оригинала или пользуясь одновременно украинским подлинником и его подстрочником.

Приводим текст оригинала и перевода:

Ой, то не гром гремит,
не с круч отвесных
срывается шумящая вода, –
то сила нашей Родины советской
щедр, неукротима, молоді!

Дорогами идет и берегами,
отжившего сметая бурелом,
чтоб чудеса творить, –
и не богами,
а разумом могучим и трудом.

І чудо створено – супутник в небі.
 І чудо явлено – де цілина.
 Назад течуть річки вже по потребі.
 Й вода пісок пустинь перетина...

Питали силу нашу: – Де ти? Де ти? –
 та й перестали. З сорому. З стида.
 Стрімкий політ космічної ракети, –
 о, скільки сили в ньому і труда!

Кибальчича дерзання в нім озвалось
 і розмах Ціолковського робіт.
 По Леніну ми діяли – і сталося! –
 ми вийшли в зоряний незнаний світ.

Людина в нас диханням повним дише,
 нових довершень у труді шука...
 Життю для бога все стає тісніше –
 і він в печери, закутки тіка...

Де пройде сила наша – пречудові
 в житті людини зміни постають:
 з'являються нові слова у мові,
 незвичні в музиці акорди чуть.

В людських відносинах поміж собою
 приходять риси комунізму дня.
 Не димкою туманно-голубою,
 а контуром окреслено знання.

Як після сходу сонця зірка рання,
 хоч згасла, в пам'яті стоїть ясна, –
 так в нашій русі світобудування
 й традиції на допомогу нам.

Традиції пов'язує не сліпо –
 лиш ті, де правди в них звучить сурма.
 Ученням Леніна – не смолоскипом –
 присвічує туди, де висне тьма.

И сотворилось чудо: спутник –
 в небе!
 И сотворилось чудо: целина!
 И реки – вспять, и золотого хлеба
 вдруг по пустыням хлынула волна.

Пытали: «Где ты? Где ты?» –
 силу нашу,
 да перестали. Видно, стыд пробрал...
 Над всей землей, над морем мирных
 пашен
 Стремит полет космический корабль.

Кибальчича мечта в нем прозвенела
 и Циолковского предвиденье, расчет.
 По Ленину живем – и наше дело
 уверенно планетою идет.

И человечество все больше смеет,
 все больше света вырвано у мглы.
 Жилье у бога все тесней, теснее –
 в глухие залезает он углы.

О, где ни прошагает наше племя,
 Дни переменами
 озарены,
 и новые слова рождает время,
 и новые мелодии слышны.

В делах, в трудах, овеяны любовью,
 встают пред нами коммунизма дни
 не дымкою туманно-голубою –
 близки, и зримы, и ярки они.

Традиций груз нам не сгибает спину.
 Берем, что живо. Остальное – прочь!
 Мы ленинским ученьем –
 не лучиной –
 свет в мир несем и прогоняем ночь.

Ти, сило наша, світлосяйна сило!
 Твоєю ж це косою узяло
 й бур'ян старого світу покосило,
 ще й борозну по ньому провело...

Зростає же, добрий, пречудовний світе!
 Вогонь чуткий, з-під молота іскрись!
 А ти, життя – рясне, широковіте, –
 все вверх берись, до сонця, вгору, ввись!..

Ой, то не грім у хмарах там гуляє,
 то не з гори спадає шум-вода, –
 то весело гримить-перегримляє
 радянська слава сила молода.

Расти же, добрый свет наш!
 Чуткий пламень,
 все ярче из-под молота искрись!
 Построенная нашими руками,
 жизнь полная, рвись в гору,
 к солнцу,
 ввысь!

Ой, то не гром гремит.
 Не с круч отвесных
 срывается шумящая вода, –
 то сила нашей Родины советской
 щедрa, неукротима, молода!

Перевёл с украинского
 Булат Окуджава

Павло Тычина (1891–1967) – выдающийся поэт-лирик. По словам известного украинского филолога, академика И.К. Белодеда, Тычина «явил миру, как мало кто в мировой поэзии, гармоничный, органичный сплав в выражении социального, гражданского пафоса и музыкальности слова, его невянущей красоты в звучании и ритме» [2, с. 95] (*перевод наш. – Р. Ч.*). К сожалению, свой лирический талант поэт в значительной мере подчинил требованиям советской идеологии. Известный украинский поэт Василь Стус, умерший в советском концлагере, писал о Тычине следующее: «В истории мировой литературы, вероятно, не найдётся другого такого примера, когда бы поэт отдал половину своей жизни высокой поэзии, а половину – нещадной борьбе со своим гениальным дарованием» [12, с. 87] (*перевод наш. – Р. Ч.*). Л.А. Озе-

ров так характеризует стиль П. Тычины: «Тычина – поэт тонкий, но не изысканный. Стихи Тычины, при внешней ажурности, внутренне основательны, плотны, стойки, прочны. <...> Поэт совмещает тончайший лиризм с открытой лозунговостью» [5, с. 213].

Одним из примеров такой плакатной поэзии в стиле советских лозунгов можно считать и приведённое выше стихотворение, написанное, однако, с присущим стилю Тычины изяществом.

Сопоставительный анализ оригинала и перевода показывает, что Булат Окуджава к началу 1960-го года уже уверенно владел переводческой техникой. В первой строфе (как и в повторяющейся её последней) он, точно передавая две первые строки, в третьей-четвёртой смело идёт на трансформацию синтаксической структуры и даже на опущение глагола-сказуемо-

го. Обращает на себя внимание также неожиданная рифма: *отвесных – советской*. При этом переводчик достаточно адекватно воссоздаёт содержание строфы.

Вторая строфа демонстрирует умение Б. Окуджавы добиваться почти абсолютной адекватности перевода. Ему удаётся решить одну из труднейших переводческих задач – поставить в рифменную позицию полные эквиваленты слов исходного текста. Столь же мастерски воссоздана и третья строфа.

В четвёртой строфе встречается единственная лексическая ошибка переводчика. Окуджаву подвели слова, представляющие собой так называемых «ложных друзей» переводчика, т. е. слова разных языков, схожие по написанию и звучанию, но имеющие разные значения. В украинском языке глагол *питати, питать* (произносится *пытаты, пытать*) имеет значение *спрашивать*. У Тычины «силу *спрашивали*», а в переводе её *пытали*, т. е. *подвергали пыткам, мучили*. В данном случае, видимо, независимо от воли переводчика, произошло усиление экспрессивной конкретизации, которая является типичной при переводе (см. об этом: [7, с. 135]). Эта невольная ошибка Окуджавы может служить подтверждением нашего предположения о том, что перевод выполнялся с оригинала, поскольку составитель подстрочника, хорошо знающий украинский язык, такое несоответствие вряд ли допустил бы.

В последующих пятой и шестой строфах в переводе мы обнаруживаем противоположные решения – от конкретного к более абстрактному: у Тычины речь идёт о том, что благодаря «жизни по Ленину» были запущены

космические корабли, а у Окуджавы – *наше дело уверенно планетою идёт*; Тычина говорит о *людині*, т. е. о человеке, Окуджава же пишет о человечестве, в результате чего происходит некоторое изменение смысла оригинала.

Седьмая строфа вновь являет собой образец адекватного перевода – замену опорного в стихотворении Тычины слова *сила* соответствием *племя* в контексте окуджавского перевода можно признать вполне оправданной.

В четвёртой строке следующей, восьмой, строфы Окуджава снова прибегает к приёму, использованному им в пятой-шестой строфах: *контур* Тычины он воссоздаёт с помощью трёх прилагательных (*близки, и зрими, и ярки*).

Девятая и одиннадцатая строфы оригинала в переводе опущены (возможно, такое большое стихотворение полностью не вписывалось в макет первой страницы газеты).

Две последние строфы перевода (не считая заключительную, повторяющую вводную строфу) снова демонстрируют высокое переводческое мастерство Булата Окуджавы.

Необходимо добавить, что перевод Булата Окуджавы почти полностью эквиритмичен оригиналу. Это обстоятельство следует подчеркнуть особо, поскольку в практике советского перевода следование ритмике подлинника было скорее исключением, чем правилом. Это является ещё одним аргументом в пользу предположения, что перевод делался не с подстрочника, а с оригинала.

Нельзя не сказать также и о том, что перевод с близкородственных языков несёт в себе для переводчика специфические трудности (см. об

этом: [19, с. 21]). Однако, как мы видим, Булат Окуджава сумел основные из них профессионально преодолеть и создал перевод стихотворения классика украинской поэзии, который можно назвать переводом-вариацией. Перевод-вариация – это особый тип поэтического перевода, который весьма близок к адекватному, однако из-за отдельных отступлений от оригинала на разных уровнях всеми качествами адекватного перевода не обладает. Мы называем его переводом-вариацией в какой-то мере по аналогии с вариацией в музыке, где она представляет собой некоторое видоизменение музыкальной темы, мелодии или музыкального сопровождения какого-либо произведения. Тем не менее, перевод-вариация – это не намеренное видоизменение оригинала, это вариация вынужденная, вариация текста подлинника на языке перевода, возникающая в силу различий структур двух языков, расхождений в их фонетических, лексических и грамматических системах, в силу большого сопротивления оригинала переводу. По степени близости к оригиналу мы размещаем этот тип перевода непосредственно за адекватным переводом, но перед вольным переводом [19, с. 29].

Тема «Булат Окуджава как переводчик», повторимся, не изучена. Упомянутая выше статья В.Д. Оскоцкого имеет, несомненно, большую ценность, однако она строится на сравнении переводов Б. Окуджавы с подстрочниками, с которыми поэт не работал, а которые были изготовлены по просьбе В. Оскоцкого. Между тем подстрочники одного и того же иноязычного стихотворения могут существенно отличаться друг от друга. Поэ-

тому исследовать переводы Окуджавы можно при условии сопоставления их с подстрочниками, имевшимися в его распоряжении, и учёта своеобразия их оригиналов.

Следовательно, тема «Булат Окуджава как переводчик» требует своего дальнейшего изучения. И в России есть место, где это исследование можно было бы успешно провести. Выше мы уже ссылались на статью В. Сербского. В.С. Сербский (1933–2011) долгие годы жил и работал в городе Братске Иркутской области. Он родился в семье политзаключённых в тюрьме, в Верхнеуральском политизоляторе. Затем вместе с родителями находился в лагере на Колыме – до их расстрела в 1937 году. Маленький Виктор выжил, скитался по детским домам, но окончил школу, а затем институт, стал инженером. Долгие годы добивался правды о судьбе родителей. Благодаря этим поискам узнал, что его мать, Евгения Захарьян, отбывала срок вместе с Ашхен Налбандян, матерью Булата Окуджавы. Сербский и Окуджава познакомились, и между ними возникла дружба. Дружба, по словам Окуджавы, по общности судеб (подробнее см.: [17; 18]). В. Сербский стал выдающимся библиофилом, создавшим в Братске единственную в мире библиотеку русской поэзии XX века, насчитывающую десятки тысяч книг (о библиотеке Виктора Сербского см.: [8, с. 156–171]). В своих книгах В. Сербский неоднократно перепечатывал эссе «Юлий Даниэль и Булат Окуджава» [9, с. 106–110]. В нём он упоминает и имя автора настоящей статьи, и пишет: «С Чайковским у меня многолетняя переписка и даже мимолётное личное знакомство в Магадане. <...> Он просил меня со-

хранить в едином фонде книги с переводами Окуджавы, а это более 50 книг, с надеждой, что он сам или кто-нибудь из его аспирантов залетит поработать в мою поэтическую библиотеку... Нет в живых Юлия Даниэля, Булата Окуджавы. Перестал совершать посадку в Братске самолёт из Магадана, а книги продолжают ждать своего исследователя» [9, с. 110]. Хочется верить, что дождутся, несмотря на то, что Виктор Сербский тоже ушёл из жизни. Однако его дело продолжает дочь – Екатерина Сербская, которая не только бережно хранит всё собранное отцом, но и, как он, по мере сил эту уникальную библиотеку пополняет. И нам остаётся выразить надежду, что кто-нибудь из молодых окуджавоведов и переводоведов, знающих языки, с которыми поэт работал, прилетит в Братск и исследует книги с поэтическими переводами Булата Окуджавы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бернардини Д. Здравый смысл поэта. Интервью с Булатом Окуджавой / пер. с итал. В. Босенко // *Голос надежды: Новое о Булате*. Вып. 10 / Сост. А.Е. Крылов. – М.: Булат, 2013. – С. 119–122.
2. Білодід І. К. Золота арфа українського слова (пам'яті П.Г. Тичини) // *Мовознавство*. – 1967. – № 6. – С. 94–96.
3. Луконин М. Сто начал счастья // *Лит. газета*. – 1969. – 26 марта (№ 13). – С. 8.
4. Назаров А. «Переживание неповторимо...» (О встрече с Булатом Окуджавой) // *Голос надежды: Новое о Булате*. Вып. 9 / Сост. А.Е. Крылов. – М.: Булат, 2012. – С. 159–172.
5. Озеров Л. Тычина и Маяковский (Опыт параллельной характеристики) // *В мире Маяковского*. Сб. статей. Кн. 2 / Сост. А.А. Михайлов, С.С. Лесневский. – М.: Сов. писатель, 1984. – С. 195–218.
6. Оскоцкий В.Д. Булат Окуджава – переводчик (Из наблюдений. Заметки) // *Миры Булата Окуджавы*. Материалы Третьей международной научной конференции. 18–20 марта 2005 г. Переделкино. – М.: Соль, 2007. – С. 13–23.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
8. Сербская Е.В. Поэтическая библиотека Виктора Сербского // *Сербский В.С. Заросли судьбы*. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. – С. 156–171.
9. Сербский В.С. Юлий Даниэль и Булат Окуджава // *Сербский В.С. Заросли судьбы*. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. – С. 106–110.
10. Сербский В.С. Под чужой фамилией // *Из записок библиофила*. 30 октября. – 2000. – № 5. – С. 8.
11. *Строфы века – 2: Антология мировой поэзии в русских переводах XX века* / Сост. Е.В. Витковский. – М: Полифакт. Итоги века, 1998. – 1192 с.
12. Стус В. Феномен доби (сходження на Голгофу слави). – Київ: Знання, 1993. – 96 с.
13. Тарасова М., Пархомовская С. На пороге юбилея // *Иностранная литература*. – 1969. – № 4. – С. 263–264.
14. Тодоровский П.Е. Мы работали и были счастливы // *Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате* / Сост. Я.И. Гройсман, Г.П. Корнилова. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2004. – С. 55–57.
15. Ханукаева И.В. [сост.]. Окуджава Булат Шалвович // *Русские писатели. Поэты (советский период): Библиографический указатель*. Т. 16: А. Недогонов – А. Ольхон. – СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1994. – С. 180–275.
16. Чайковский Р.Р. Поэтический перевод в зеркале мнений (15 интервью). – Магадан: Кордис, 1997. – 104 с.
17. Чайковский Р.Р. «По общности судьб...». Булат Окуджава и Виктор Сербский // *Из зарослей судьбы: О выдающемся российском библиофиле*

- Викторе Сербском. / Сост. Е. Сербская, Б. Вайсберг. – Братск; Екатеринбург: Изд. газеты «Штерн», 2013. – С. 76–83.
18. Чайковский Р.Р. По общности судеб: Булат Окуджава и Виктор Сербский // Из зарослей судьбы: О библиофиле Викторе Сербском. / Сост. Е. Сербская, Б. Вайсберг. – Изд. второе, дополненное. – Братск: Тип. «Полиграф», 2014. – С. 55–62.
19. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Перевод поэзии: типология и множественность (учеб. пособие для студентов-филологов). – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – 194 с.
20. Шерешевский Л.В. «С гитарой под плащом...» // Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате / Сост. Я.И. Гройсман, Г.П. Корнилова. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2004. – С. 124–132.